

У него есть красавица-жена, несравненное мастерство, что еще может удержать его и помешать вознесению?

Цзян Жунъи перебрал в уме все варианты, но так ничего и не придумал.

Неужели ему и вправду суждено пожертвовать собой ради этого мира, чтобы через шесть месяцев Чжоу Сывэй снова пронзил его мечом?

Однако Цзян Жунъи не обладал столь возвышенным чувством долга. Один раз — еще куда ни шло, но во второй раз системы, которая могла бы его воскресить, уже не будет.

Чжоу Сывэй крепче сжал объятия, отчетливо ощущая вес тела в своих руках:

— Ты.

— Что? — Цзян Жунъи не сразу понял, какая тут может быть логическая связь.

Раздался скрип — дверь снова отворилась.

В комнату вошел Тань Цзинфан.

— Слышал от Юньси, что ты очнулся.

— У тебя слабое здоровье, давай отправимся в Пэнлай вместе.

— В Пэнлае полно чудодейственных средств, они обязательно тебя исцелят.

— Я... я буду заботиться о тебе!

Юноша выпалил все это на одном дыхании, видимо, заранее отрепетировав речь, даже не подняв головы. И только закончив, он заметил, что происходит в комнате.

Тот, о ком он так грезил, был скрыт в объятиях чужих рук. Видна была лишь белоснежная, словно нефрит, мочка уха, проглядывающая сквозь черные волосы, но даже этого было достаточно, чтобы лишиться покоя.

Тань Цзинфан залился краской, а затем перевел взгляд на того, кто держал Цзян Жунъи.

Чжоу Сывэй прославился еще сотню лет назад, когда Тань Цзинфан, вероятно, еще скитался по кругам перерождений. Разумеется, он не узнал прославленного главу секты и потребовал

ответа:

— Кто ты такой? Из семьи Цзян?

Чжоу Сывэй прекрасно понял, о чем думает этот мальчишка, и в его сердце вспыхнуло беспричинное раздражение.

Какая только мелюзга, не знающая своего места, смеет зариться на его человека!

Он холодно взглянул на Тань Цзинфана, не проронив ни слова.

Юный Тань Цзинфан, только начинающий свой путь, не смог выдержать гнев Чжоу Сывэя. Он мгновенно побледнел, опустился на одно колено и, изрыгнув сгусток крови, застыл в ужасе. Даже перед владыкой Пэнлая он не испытывал ничего подобного.

— Ты...

К счастью, Чжоу Сывэй не стал опускаться до убийства сопляка и, бережно прижимая к себе Цзян Жунъи, вышел из комнаты. Он нес его с величайшей осторожностью, словно величайшее сокровище мира.

Цзян Жунъи безмятежно наслаждался заботой первого мастера мира совершенствующихся, прислонившись к его груди и слушая мощный, размеренный стук сердца:

— Эй, куда ты меня везешь?

Чжоу Сывэй опустил взгляд, думая лишь об одном: найти место, скрытое от чужих глаз, чтобы спрятать свое сокровище и никого к нему не подпускать.

Мысли Цзян Жунъи лихорадочно метались.

Система дала ему шесть месяцев. За это короткое время он должен выяснить, почему Чжоу Сывэй не хочет возноситься. Но прежде нужно привести в порядок это полуразвалившееся тело.

— Направляемся на восток, к Бескрайнему морю.

Изначально Цзян Жунъи планировал действовать постепенно, но помочь его телу могли лишь редчайшие артефакты, спрятанные в самых опасных местах, куда в его нынешнем состоянии путь был заказан. Но теперь все иначе — первый мастер мира рядом, и Цзян Жунъи не собирался упускать шанс использовать его возможности.

А когда тело восстановится, если Чжоу Сывэй снова захочет пронзить его мечом, он хотя бы сможет убежать побыстрее.

— Хорошо.

Чжоу Сывэй вынес Цзян Жунъи из города Шанъинь.

Его мастерство позволяло сокращать расстояния, и путь, на который у обычных людей ушли бы годы, для него был лишь делом одного мгновения. Но тело человека в его руках было слишком хрупким, чтобы выдержать последствия искажения пространства. Чжоу Сывэй был вынужден идти самым обычным путем, шаг за шагом, но он был только рад этому — ему хотелось, чтобы этот путь длился как можно дольше.

Дзынь-дзынь...

За городом послышался звон колокольчиков.

Три белоснежных коня, запряженные в карету, перегородили дорогу.

— Это он! — раздался из кареты капризный девичий голос. — Убейте его!

Цзян Цзяою жаждала добиться расположения посланника Пэнлая, но сердце Тань Цзинфана было отдано Цзян Жунъи, и он не замечал никого вокруг. Все ее ухищрения оказались тщетны, и она стала посмешищем для окружающих. Если бы Тань Цзинфан был просто равнодушен к любви, это одно, но видеть, как он тоскует по Цзян Жунъи — это было невыносимо.

Как же она ненавидела Цзян Жунъи!

Какой-то выходец из боковой ветви семьи Цзян посмел затмить ее, благородную наследницу!

Стиснув зубы, Цзян Цзяою прошипела:

— Кто убьет его, тому дам сотню духовных камней!

Из темноты донесся ехидный смех:

— Будет исполнено, госпожа.

Две фигуры, окутанные черным туманом, возникли по обе стороны дороги. Это были старые знакомые — Инь и Ян, те самые посланники, которых Цзян Жунъи однажды уже отправил на тот свет.

Они сразу же заметили Цзян Жунъи в объятиях незнакомца.

Инь: — Какая находка!

Ян: — И правда! Эй, парень, отдавай нам этого красавца, и, может быть, мы пощадим твою никчемную жизнь!

Все дело было в ненадежности временной петли. При повторе событий неизбежно случались ошибки. Например, те, кто должен был умереть, избегали гибели. Но кто бы мог подумать, что эти двое, чья смерть была предрешена, с таким упорством будут лезть на рожон.

Цзян Жунъи — сломанные кости, лежит в чужих руках, слабее некуда.

Чжоу Сывэй — мастер, достигший такого уровня, что его внутренняя энергия была полностью скрыта, и со стороны он казался лишь крепким простолюдином.

Инь и Ян подождали немного и, убедившись, что угрозы нет, хором заявили:

— Сам напросился, не вини нас!

Они превратились в два сгустка дыма и на огромной скорости бросились к Чжоу Сывэю. Их техника была ядовитой и зловещей: стоило им коснуться жертвы, как та была обречена, пока из нее не выпьют всю кровь до капли. Предвкушая, как этот человек превратится в иссохший труп, они разразились торжествующим хохотом.

— Хи-хи, сдохни!

Цзян Цзяою приоткрыла занавеску кареты, с наслаждением наблюдая за сценой. Она сжала кулаки от возбуждения: все, кто был лучше нее, должны умереть!

Дым достиг Чжоу Сывэя, но ожидаемого финала не последовало.

Смех Инь и Яна внезапно оборвался, сменившись леденящим душу воплем.

Улыбка на лице Цзян Цзяою застыла, а затем сменилась гримасой ужаса.

Она впилась глазами в человека, стоявшего неподалеку.

Он не превратился в иссохший труп. Напротив, двое посланников, атаковавших его, после короткого вопля исчезли без следа.

Инь и Ян обладали немалым мастерством, в Шаньине им не было равных, и Цзян Цзяою, полагаясь на них, никогда не знала поражений. Она и представить не могла, что сегодня они падут от рук неизвестного.

Девушку била дрожь, на кончике носа выступил пот. Ей следовало бежать, но от страха она не могла пошевелиться, лишь наблюдая, как этот человек направляется к карете.

При обычном раскладе Инь и Ян даже не смогли бы приблизиться к Чжоу Сывэю. Он был избранным и первым мастером праведного пути — ему достаточно было лишь пожелать, чтобы эти клоуны обратились в прах. Чжоу Сывэй так и хотел поступить, но в последний момент почувствовал: если он применит всю свою силу, мир немедленно это заметит и заставит его покинуть эти пределы.

Ему пришлось сдерживаться, поэтому Инь и Ян успели издать предсмертный вопль.

Разобравшись с мусором, Чжоу Сывэй поспешно посмотрел на того, кого держал на руках. Он ожидал увидеть испуганного котенка, жмущегося к груди, но Цзян Жуньи смотрел на карету.

Цзян Жуньи знаком показал, что хочет эту карету.

Окна были украшены золотом и нефритом, занавески — прозрачные, но скрывающие внутреннее убранство. В упряжке — три белоснежных коня, один к одному. Выглядела она куда лучше той, что они арендовали ранее.

Честно говоря, грудь Чжоу Сывэя была слишком твердой, лежать на ней было неудобно, в карете было бы куда приятнее. Чжоу Сывэй не знал, о чем он думает, но был готов достать для него все, что угодно.

У кареты был владелец. Цзян Цзяою, еще минуту назад хамившая, теперь сидела внутри, побледнев от ужаса. Она придумывала оправдания, готовясь разрыдаться и просить пощады.

— Господин... — Цзян Цзяою уронила две слезинки. Она знала, что хороша собой, и обычно мужчины теряли голову, видя ее в слезах.

Лучше бы она молчала. Цзян Жуньи не сразу узнал ее, но стоило ей заговорить, как он вспомнил ту самую девицу, что преградила им путь у ворот дома Цзян. Цзян Жуньи, будучи бывшим злодеем, был очень злопамятен.

Ее старания не возымели эффекта. Лицо Цзян Жуньи оставалось холодным, и она зарыдала:

— Я была ослеплена, умоляю, пощадите меня, я сделаю все, что прикажете.

Она бросила на Чжоу Сывэя томный взгляд, смысл которого был понятен без слов. Но ее кокетство было адресовано слепому. Чжоу Сывэй уже собирался прогнать ее, но Цзян Жунъи остановил его. Он понимал: Чжоу Сывэй, как глава секты Шанъянь, даже потеряв память, оставался человеком благородным и не стал бы расправляться с беззащитной женщиной.

Но Цзян Жунъи был другим. Унижение слабых давалось ему легко, тем более что Цзян Цзяожу дважды пыталась его убить.

— Ты так гордишься своей красотой, — Цзян Жунъи окинул ее взглядом. Даже сквозь затуманенные глаза он видел всю фальшь ее поведения. — Тогда я уничтожу ее, чтобы ты навсегда осталась уродкой.

Он помнил, как она насмеялась над Цзян Юньси. Око за око, зуб за зуб.

Цзян Цзяожу привыкла манипулировать мужчинами, полагая, что слезы и слабость — ее главное оружие. Она и подумать не могла, что наткнется на такой камень.

— Нет, не надо! — вскрикнула она. Ее красота была ее единственной гордостью. Без этого лица она была никем.

Она в панике посмотрела на Чжоу Сывэя, ища сочувствия, но его лицо оставалось бесстрастным. От ужаса у нее проснулась воля к бегству.

— Умоляю, пощадите, я буду бить поклоны!

Она притворилась, что встает на колени, а сама выхватила из браслета талисман Попутного ветра, приклеила его к ногам и, наполнив духовной энергией, пулей вылетела из кареты.

В мгновение ока она исчезла в лесу, оставив после себя лишь пронзительный женский визг:

— Ждите! Магический Владыка отомстит за меня!

Цзян Жунъи не спешил. Чжоу Сывэй бережно уложил его в карете.

Внутри было роскошно: пол устлан мягким мехом белой лисы, на столе золотая курильница источала аромат драконьего мускуса, стоящий целое состояние.

Цзян Жунъи откинулся на спинку сиденья и принялся рассматривать свои руки. Узкие, длинные, белые, словно бамбуковые стебли, с аккуратно подстриженными ногтями, излучающими мягкий свет. Руки, которые с детства не знали тяжелого труда. И при этом — руки, обогранные кровью.

Налюбовавшись, он вспомнил о чем-то и повернулся к Чжоу Сывэю. Тот все это время не сводил с него глаз.

Они встретились взглядами.

— Что, снова будешь читать мне нотации? — усмехнулся Цзян Жунъи.

В прошлом Чжоу Сывэй обожал поучать его: это нельзя, то нельзя. Даже сейчас, закрыв глаза, он мог представить это выражение лица старого зануды. Чжоу Сывэй был образцом добродетели. Но кто бы мог знать, что за сто лет люди так меняются.

Чжоу Сывэй не стал читать нотаций. Он сказал:

— Ты хочешь ее убить? Я могу поймать ее и вернуть.

Цзян Жунъи рассмеялся:

— А ты милый. — Он коснулся его щеки. — Умница.

Чжоу Сывэй почувствовал, как мягкие пальцы коснулись его кожи и тут же исчезли. Он ощутил легкую грусть и с тоской посмотрел на Цзян Жунъи, желая продлить прикосновение.

Но Цзян Жунъи лишь взмахнул рукой, и острая, как бритва, энергия меча сорвалась с его пальца, на котором выступила капля алой крови.

— Не стоит, — улыбнулся он. — Если я чего-то хочу, никто не убежит.

В десяти ли отсюда энергия меча Десяти Адов навсегда изуродовала лицо женщины, и эта рана никогда не заживет.

Цзян Жунъи вытер кровь с пальца и вдруг задумался. Эта женщина только что сказала — Магический Владыка? Неужели путь магии пал так низко, что теперь каждый встречный называет себя владыкой?

Колеса кареты катились по гладким каменным плитам, оставляя за собой длинный влажный след, и наконец въехали в городок Люсянь.

Люсянь находился в сотнях ли от Шанъиня. По легенде, здесь когда-то вознесся бессмертный, отсюда и название. За городком начинались земли, не принадлежащие ни Пэнлаю, ни павильону Чжайсин.

Оба ордена были не самыми сильными, поэтому они заключили своего рода союз, оставив между своими владениями нейтральную зону, где обитали отбросы общества и остатки магических сект. Люсянь как раз находился на границе этой зоны. К счастью, слава Пэнлая как истребителей демонов была столь велика, что маги не решались здесь бесчинствовать.

Из-за этого городок был очень глухим, и появление такой роскошной кареты стало для местных настоящим событием. Торговцы, женщины с корзинами, девушки с косами — все остановились, глаза на диковинку.

— Интересно, кто там внутри?

— Наверное, какой-нибудь молодой господин.

— В жизни не видел такой кареты.

Люди вытягивали шеи, стараясь запомнить каждую деталь, чтобы потом рассказывать внукам. Но три белоснежных коня не собирались останавливаться, они проехали почти через весь городок, прежде чем карета вдруг развернулась и замерла у дверей постоялого двора.

Здесь почти не было бизнеса. Хозяйка постоялого двора лениво читала роман, и лишь когда перед ней вырос гость, она оторвалась от книги.

— Поесть или переночевать? — спросила она, поднимая глаза.

Чжоу Сывэй ответил:

— Переночевать.

Хозяйка замерла. За тридцать лет она видела немало красавцев, даже посланники Пэнлая бывали здесь, но никто из них не шел ни в какое сравнение с этим мужчиной. Ее немолодое сердце забилося в ритме юности.

Чжоу Сывэй повторил:

— Переночевать.

— Да, конечно... — хозяйка очнулась, заливаясь краской. — Сколько... сколько комнат?

Она тут же пожалела о вопросе: мужчина был один. Но из-за его спины показался еще один человек:

— Две.

Чжоу Сывэй бросил взгляд на Цзян Жунъи и заслонил его собой:

— Одну.

К счастью, Цзян Жунъи лишь на мгновение появился, и хозяйка не успела разглядеть его лица, иначе она бы потеряла дар речи надолго.

— Одной хватит, — добавил Чжоу Сывэй.

Хозяйка протянула ключ. Когда они поднялись наверх, она схватилась за зеркало. В нем отражалась женщина, чья молодость давно прошла, хотя в чертах все еще угадывалась былая красота. Она вздохнула: если бы она встретила такого мужчину десять лет назад, она бы не упустила свой шанс. Но теперь...

Она достала пудреницу, стараясь скрыть морщины, и была настолько увлечена, что не заметила, как снаружи начал сгущаться туман.

Туман из легкой дымки превратился в плотную пелену, нахлынувшую подобно морской волне, но беззвучно. Он окутал весь городок Люсянь плотным коконом.

Снаружи стало темно, солнце скрылось, небо посерело. В один миг улицы опустели.

— Странно, — пробормотала хозяйка, откладывая зеркало. — Должны были принести тофу.

Она наконец заметила туман и ахнула:

— Откуда столько тумана?

Ее голос прозвучал в тишине городка пугающе громко, будто она потревожила нечто скрытое. Туман начал просачиваться внутрь постоянного двора.

Когда хозяйка опомнилась, первый этаж уже был поглощен белесой пеленой, и она не видела даже собственных рук.

Прошло немало времени, прежде чем туман начал рассеиваться.

<http://bllate.org/book/22488/2371110>